

Евген (Евгений) Павлович Плу́жник, известный украинский литератор, выходец из кантемировской крестьянской семьи, занимавшейся и торговлей. Учился в сельской школе, в гимназиях Воронежа, Богучара, Бердянска. Выпускник Бобровской гимназии (1918), в которой писал стихи на русском языке для рукописного журнала «Призыв». В годы гражданской войны семья переехала в Полтавскую губернию, где Плу́жник работал сельским учителем. Учился в Киеве в зооветеринарном институте, а затем в музыкально-драматическом имени Н.В. Лысенко. Но обрел себя в литературном труде. Судьба отпустила ему чуть больше десяти лет для творчества. Евгений Павлович под псевдонимом Кантемирянин опубликовал первые стихи на украинском языке в журналах в 1923 году. Автор поэтических книг «Дни» (1926), «Ранняя осень» (1927), «Равновесие» (1933, опубликована в 1966), романа «Недуг» (1928), пьес, киносценариев. Переводил на украинский язык Николая Гоголя, Антона Чехова, Максима Горького, Михаила Шолохова. Незаконно арестован в 1934-м, осужден. Скончался 31 января 1936 года в лагерьном лазарете на Соловках.

Произведения Плу́жника переводили на русский язык воронежские литераторы Виктор Беликов, Виктор Будаков, Евгений Новичихин, Михаил Тимошечкин, Петр Чалый, москвичи Светлана Соложенкина и Юрий Кузнецов. В Воронеже изданы стихи Евгена Плу́жника «Ранняя осень» (1992), однотомник поэзии и прозы «Родюча земля» (2002). Презентация этого сборника прошла в украинском Фонде культуры в Киеве при поддержке народного поэта Украины Бориса Олейника.

«Евген Плу́жник — один из великих украинских поэтов XX столетия. Давно и надежно он «вписался» в мировую поэзию. И это — при немногочисленных переводах на другие языки, это — при малом количестве, при небольших тиражах его украиноязычных изданий.

Плу́жник — реалист врожденный. Редкостное явление. Жестокая эпоха запечатлелась жестокими деталями в его творчестве. В этой «документальности» — загадка его поэзии, тайна и «неотменимость». Поэт-интеллектуал с высоко напряженным станом души и в то же время — самый земной. Совершенство простоты — вот главное достоинство его стихов.

Мыслитель, поэт, прозаик, драматург Плу́жник принадлежит к писателям, которых не просто читают, а и перечитывают неоднократно», — так оценивает его творчество поэт, биограф и издатель Плу́жника — Леонид Череватенко.

Редакция журнала «Подъём» печатает стихи Евгена Плу́жника в новых переводах Александра Нестругина.

* * *

Как жизнь сама, текут пески пустыни.
Тебя чарует их далекий шелест!
Дверь заперта, но в ней сыскались щели,
Нездешний шелест в горницу впустили.

Не рвись за край, не замышляй побег!
Закрой глаза, скажи мгновенью: «Тише...»
Ведь, может быть, душа твоя из тех,
Что взаперти — гул мирозданья слышат.

* * *

Где вы теперь — все те, кто были
Друзьями юношеских лет, —
Кто слышать может мой привет,
Кто, позабытый, спит в могиле?

Как белых паутинок нити
Возьметса время в чуб вплетать,
Так хочется меж вами стать,
Друзья, — чтоб вместе в зрелость выйти!

И вновь расслышать (пусть на миг),
Когда неверье сердце ранит,
Речей кипенье молодых
О том, что зрелость не обманет...

* * *

Целый день душе моей ненастно,
Ничему душа моя не рада, —
Две морозом тронутые астры
В комнату ты принесла из сада...

И когда, задетые остудой,
Ты цветы на книжку положила,
Ощутил, как, долетев оттуда,
Смертный холод пробежал по жилам!

И весь день гнетет меня и мучит
Чувство не утраты, так разлуки...
Думы — словно снеговые тучи,
И никак не отогрею руки...

Мосток замшелый в две доски,
 И вербы у воды, и мальвы,
 Какую мне вернули даль вы:
 Уст, еще спящих, лепестки,
 Свет глаз, что их зовет проснуться,
 Озноб свиданья — в первый раз...
 Все, что зовет так властно нас —
 И не дает себя коснуться!

* * *

Забывшись, так вела рукою ты,
 Что было старым клавишам тревожно...
 Казалось, лишь скажи тебе: — Лети! —
 И повернуть едва ль уже возможно!

Но что-то руку так твою вело —
 Вот это сразу и заметить мне бы! —
 Как будто перебитое крыло
 Взлететь пыталось в раненое небо...

* * *

Она нисходит к морю... Кто она? —
 Отныне это позабылось, смеркло.
 Не эхо разве — наши имена,
 Не отзвук разве общей доли смертной?

Одно движенье — и под ноги лег
 Покров — и светлой негой торс открылся.
 Так, будто бы на стройном стебле ног
 Тайнственно цветок во тьме светился —
 Цветеньем победительно-нагим!

Спадает вал... Немеют берега...
 И вновь волна летит напропалую!
 Но воду тронет чуткая нога —
 Вал дрогнет, пальцев кончики целуя...

И не таит волнение свое
 Бескрайность вод, что всем ветрам открыта, —
 И кажется, вернулась Афродита,
 Вошла в прибой, что породил ее!

Где ты ступала, там песок метет,
Но твой следок — лишь мне — оставлен весь...
Дрожит река, вжимаясь в берег тот,
А там — лишь редкий облетевший лес...

Кто аистам заступит в небе путь?
Ну, разве что свинцовых туч броня...
О друг единственный! Стесняя грудь,
Какой покой тут стережет меня!

То рук твоих, далеких рук тепло —
Мне верится — пришло побыть со мной.
И смуту чувств, и память уняло,
И мертвый лист, качаемый волной.

Как будто феи поздних теплых дней
Остановить сумели этот час...
И даже этот след ноги твоей
Не тронет сердца и усталых глаз.

Я разглядел с осеннею рекой:
Здесь ничему уже не умирать.
И след твой малый — он большой такой,
Что я и слов не смог бы подобрать!

* * *

Предчувствием покоя и тоски
Томит меня листва, что пала долу...
Пора пример брать с медленной реки
Мечтам и думам...

Когда рощам голым
Уже не заслонить немую даль
И солнце льется скупое и нечасто,
Покой нисходит, получивший в дар,
В дар неделимый долгий-долгий час тот,
Что осенью зовется...

Сны смотри,
Перебирай, что лето накопило...
И так с тоской своею говори,
Чтобы она из тьмы на свет ступила.

* * *

Вчера над городом летели гуси.
Над городом-камнем, в ночи...
Глупое сердце, стиснуто грустью, —
Молчи, смешное, молчи!

Хватит всяких и грез, и болей...
Есть книги — все знают они.
Слышишь, в тополях голых:
— Нишкни...

Девонька, грезы бедой твоей стали!
Дума ночная моя!
Гуси летели в далекие дали...
А я?

* * *

Оторвались от дней слова,
Вянут в книжках, а в днях — темным-темно!
Древняя-древняя, радость моя нова:
Дождь теребит стреху и рябит окно.

Кто говорит, что узнал все, лжет!
Перед мечтой не лги!
Дни! Музей, что нам бережет
Дре-без-ги!

* * *

Чем меньше слов, тем больше речи ясной.
Ты слов, поэт, сугробы наметаешь!
Все бьешься, рвешься, в облаках витаешь...
Слов круговерть! Напрасный труд, напрасный!

Что выскажешь? Сердца, как словари,
Истолковать уже готов ты вроде?
Грусть мировую —
В хуторском изводе?

Твори!
Твори!

* * *

Камню дан предел один — лежать.
Ветру дни одно — лететь! — велели.
Я же должен смыслы обнажать
Иль, хотя бы, добиваться цели...

Век я взвешу — на своем горбу,
Все своими делая руками, —
И кивнут привычно на судьбу
Вольный ветер и лежащий камень.

Ах, не знает угомона пташка —
 Сердце, что в груди все рвется петь!
 То пустое, что груди бывает тяжко,
 Что мешает песня думам зреть...

Промелькнет — и разом грудь остудит,
 Думы темным холодом скует, —
 Что тебя тогда уже не будет,
 Если пташка та — не запоет!

СТИХОТВОРЕНИЕ К РАССКАЗУ В. ПИДМОГИЛЬНОГО «ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Эй, отец мой, простор степной,
 Слово мольву еще с тобою...
 Дни младые не стороной
 Пошли за водою...
 Ой вы, звезды, яркие, близки!
 Мне до ваших чар дела мало...
 Темный чуб мой, мои виски
 Бела вьюга зацеловала.
 Ой вы, ночи, ваш черен свет!
 Мне не видно, куда иду...
 Я один, еще с детских лет,
 И таким же я пропаду.
 Где ж вы, братья? Мою слезу
 Кто утрет, кто меня приветит?
 И стою, словно дуб в грозу,
 Только тучи вокруг да ветер...

*Перевод с украинского
 Александра НЕСТРУГИНА*